

МНЕНИЕ

«Правильно оставаться в контакте с Россией»

Это интервью исполнительный директор Российско-Германского форума, историк **Мартин Хоффман** дал корреспонденту радио «Дойчландфунк» **Дирку Мюллеру** в сложный момент, когда Европа следила за российскими протестами, требующими освобождения Алексея Навального.

Мартин Хоффман

— Господин Хоффман, как вы думаете, почему Кремль может делать все, что захочет?

— Кремль не может делать все, что хочет. Но Кремль вот уже долгое время явно следует точке зрения, прямо противоположной существующей в Европейском союзе. Эта точка зрения заключается в таком понимании суверенитета, которое не предполагает вмешательства посторонних. И, к сожалению, Кремль все время демонстрирует, что не позволит оказывать на себя давление. Во всяком случае, в виде санкций или других средств.

Поэтому я считаю верным решение ЕС оставаться в контакте с Россией, потому что только так можно помочь развивающемуся гражданскому обществу и бесспорно важным протестам. Нужно поддерживать контакт, а не втягиваться в игру и отгораживаться от происходящего.

«Это люди, выражающие свое мнение на улицах»

— Но вы пытаетесь делать это уже много лет, однако ничего не изменилось, а становится только хуже.

— Ничего подобного, изменилось многое. По моему убеждению, то, что происходило недавно на улицах и что мы видели, это и есть знак того, что мы остались в контакте с Россией, ее гражданским обществом, молодыми людьми и вообще с русскими в городах благодаря в том числе молодежному обмену. Что при этом обнаружилось? Всегда говорили, что при Путине гражданское общество развивается не может, но именно эра Путина показала, что в России есть люди, свободно выражающие свое мнение. Они выходят на улицы и не боятся. И, кстати, это происходит не в первый раз.

— А потом их арестовывают.

— Да, потом их арестовывают, но они продолжают идти своим путем. Думаю, именно это решающий фактор, который изменился. Это можно увидеть в социальных сетях, а также в том, как это обсуждается в российских средствах массовой информации. Об этом говорят, это ни в коем случае не замал-

Противостояние и протесты в России вызвали дискуссию в немецком обществе

чивается. Открытая критика высказывается по темам, которые волнуют все российское население. Это несменяемость власти, нежелание дальше терпеть коррупцию, и следующее важное свидетельство таких настроений мы видим на выборах в Думу в сентябре этого года.

Каналы коммуникации нужно сохранить

— Что же может сделать Запад в политическом отношении? Вы говорите, не нужно санкций. То есть политика бессильна?

— Нет, политика может очень многое.

— Что же делает политика?!

— Она поддерживает диалог и пытается держать открытыми каналы коммуникации. Думаю, это единственная сила, которая у нас есть.

— И чего она добилась?

— Если мы проанализируем последние годы, заполненные самыми разными конфликтами с Россией, то увидим следующее. Каждый раз, когда Запад оказывает на нее давление, Россия замыкается в себе. А вот она транслировала, что иностранные политики и Запад не хотят с нами говорить, что Запад хочет нас поучать, относится к нам высокомерно и мы на это реагировать не будем. Таков, собственно, итог последних 20 лет. Только там, где мы пытались установить контакт, мы добились успеха. Успешная политика действует именно так. Кстати, именно в этом заключался секрет восточной политики Вилли Брандта и Эгона Барна.

— Если мы сейчас в качестве примеров возьмем Крым, Сирию, Белоруссию, Навального, то можно ли это назвать успешной политикой?

— Да, но в каждом из этих случаев были и санкционные моменты. Были высказаны решительные протесты. Вспомним, какое возмущение и какие ясные слова были

высказаны по поводу Крыма. Конечно, все это было, но ничего не изменило. Но там, где мы вмешивались, желая что-то изменить, как, например, в Минске, в этих случаях, когда мы говорили друг с другом, нам удавалось чего-то добиться, пусть прилагая значительные усилия. Многие своими продуманными действиями удалось сделать канцлеру Меркель и другим политикам. Да, это не были огромные шаги, но, как я думаю, поведение суверенной страны, а тем более России нельзя изменить политическим давлением, в отличие от переговоров на равных.

«Задача внешней политики — поддерживать контакты»

— А вот правозащитные организации, многие другие критики упрекают ЕС и его министров иностранных дел в трусости, потому что они побоялись принять должные меры. Они сказали, что санкции ничего не дают. Вы же говорите, что нужно поддерживать диалог.

— Да, я так говорю. Говорю, что понимаю, почему в России возникают протесты и возмущения: они часть дискурса. Конечно, об этом нужно говорить, это бесспорно. Но я думаю, такое происходит и в ЕС. Но, несмотря на то что мы не согласны с происходящими вещами, только возмущаться с политической точки зрения неэффективно. Задача внешней политики — поддерживать контакты. Без них мы ничего не сможем сделать. И скажу еще раз: думаю, отгораживаясь от происходящего, мы явно играем на руку тем силам в России, которые хотят, чтобы мир оставил их в покое. Единственный шанс добиться чего-то положительного — это продолжать разговаривать.

— Сейчас лицам, предположительно ответственным за отравление Навального, запрещен въезд в ЕС, заблокированы их эдакие счета. Кроме того, в список попал научно-исследовательский институт. То есть в списке семь фигурантов. Почему бы не расширить этот список, чтобы ответственные лица и в такой форме представляли себе все последствия, когда речь идет о Европе?

— Потому что речь тут все время об одном и том же аспекте. Мы уже упоминали темы, которыми возмущены люди с улицы: коррупция, несменяемость власти, особое положение окружения правительства. Эти люди постоянно используют именно эти темы в качестве доказательств своей точки зрения. А эта точка зрения состоит и в том, что ЕС не хочет с нами разговаривать, ЕС, да и весь Запад, относится к нам как к второстепенному, несuverенному государству, и мы этого не допустим. Таким образом, людям, справедливо критикующим правительство, выбивают почву из-под ног. Их обвиняют в том, что они сотрудничают с Западом, который якобы не хочет ничего другого, как только вмешиваться в дела России.

«Больше контактов — больше свобод»

— Но это означает, что чем меньше давление, тем больше свободы.

— Да, это означает именно это. Это означает, чем больше контактов, тем больше свободы. Это урок гражданского общества, которое в течение всех этих лет участвовало в очень тяжелых конфликтах и очень многого добилося. Я говорю еще раз: думаю, все то, что произошло в последние годы, является результатом того, что мы остались в контакте с Россией. И что народной дипломатией было сделано в этом отношении значительно больше, чем это может показаться на первый взгляд.

ВОЙНА

После нас хоть Донбасс

Специальный корреспондент „Ъ“ **Владимир Соловьев** для «Д» о том, почему за семь лет конфликта на востоке Украины война стала ближе, чем мир.

Владимир Соловьев

На втором году президентства Владимира Зеленского распылилась надежда на то, что при нем конфликт на востоке Украины будет разрешен. Можно обвинить в этом его одного. Но чем дальше длится вялотекущая война, тем меньше шансов, что кто-нибудь на Украине согласится возвращать Донбасс на условиях, прописанных в ревностно оберегаемых Москвой минских соглашениях.

Любой конфликт в какой-то момент становится рутинной. Привыкают даже к смертям, если, конечно, это не массовая гибель в результате активных боевых действий. Донбасс в этом смысле не стал исключением и превратился в привычный элемент неровного международного ландшафта. Похожая судьба была у Нагорного Карабаха, пока он не взорвался большой войной в 2020 году.

Весной 2021 года войну стали ждать на востоке Украины. И Донбасс снова привлек к себе внимание. Обострение на фронте, повышение боеготовности российской и украинской армий, громкая канонада взаимных обвинений Москвы и Киева заставили мировые столицы отвлечься от коронавирусных забот.

Украина обвиняет в агрессивности Россию, а Россия вину за эскалацию возлагает на украинскую власть. Команда Владимира Зеленского, говорят российские кураторы украинского направления, недоговороспособна, непрофессиональна, слаба и пытается решить внутриполитические проблемы, в том числе проблему пикирующего рейтинга президента Зеленского, подливая масла в огонь конфликта. «Дети со спичками», — описал украинского лидера и его окружение замглавы кремлевской администрации Дмитрий Козак.

Козак уже больше года официально главный в Кремле по Украине и донбасскому урегулированию. Он специализируется на договоренностях и прекрасно умеет оформлять их в документы.

Оптимизма Москве добавляли сигналы из Киева, которые Зе-команда начала посылать еще до того, как Владимир Зеленский вступил в должность президента. Победитель Петра Порошенко и вслух заявлял, что его приоритет — закончить войну и вернуть Донбасс, и через людей из своего окружения, выходящих на Дмитрия Козака, давал понять, что настроен договориться.

Первая осечка случилась в марте 2020 года. Козак и его партнер по переговорам с украинской стороны глава офиса украинского президента Андрей Ермак встретились в Минске и договорились создать внутри Трехсторонней контактной группы по урегулированию ситуации на востоке Украины консультационный совет. В него долж-

Консультативный совет, таким образом, стал бы еще одним подтверждением российского тезиса о том, что противостояние на востоке Украины — это внутриукраинский конфликт. Украинская оппозиция и националисты выступили с жесткой критикой Зеленского и главы его офиса, обвинив их в капитуляции и даже измене. Под этим внутренним напором и давлением протестующей улицы украинские переговорщики отыграли назад: никакого совета создано не было.

Москва была разочарована. Но все еще пыталась двигаться дальше по минским соглашениям. Терпение лопнуло после того, как ровно по тем же внутриполитическим причинам Киев отошел от согласованных в июле 2020 года — опять же Ермаком и Козаком — «Мер по усилению режима прекращения огня».

В числе прочих мер стороны договорились и зафиксировали на бумаге пункт о том, что открывать ответный огонь допустимо в одном случае — по приказу руководства вооруженных сил Украины и вооруженных формирований ОРДЛО — и лишь после того, как провалились все попытки использовать координационный механизм по реагированию на нарушения режима прекращения огня. Документ был утвержден в редакции, полностью устраивающей Москву. А дальше все пошло не так, как задумывалось. На Украине начали горячо обсуждать договоренность, снова критикуя власть за то, что, во-первых, она пошла на соглашение с «террористами» из ОРДЛО, а во-вторых, усложнила жизнь тем, кто сидит в окопах. В итоге украинская сторона сначала опубликовала (обнародование приказов, содержащих список мер по усилению прекращения огня, было одним из условий) согласованный вариант документа, а потом отредактировала его, убрав фразу о том, что отвечать огнем на огонь можно только с санкции высшего армейского руководства. Это размыло контроль за соблюдением тишины, поскольку, по сути, решение о том, стрелять в ответ или нет, мог по своему усмотрению принимать кто угодно. Результатами стали учащающаяся стрельба на фронте, новые жертвы и эскалация, которая этой весной всех встревожила.

Киев переподтвердил свои июльские обязательства только в апреле. А после это-

Апрель 2021-го. На украинских позициях в Донецкой области. Солдатам хочется мира

го снова начались вязкие переговоры о том, как установить прочное перемирие.

Приведенные выше примеры можно называть иллюстрацией недоговороспособности команды Зеленского: сегодня переговорщики соглашаются на одно, а завтра делают другое или вольно трактуют то, о чем договорились. Но есть ощущение, что, кто бы ни сменил Зеленского в президентском кресле, результат будет ровно таким же. Минские соглашения, которые предполагают закрепление в конституции Украины особого статуса для Донбасса и которые Кремль считает невыполнимыми, не возьмется выполнять ни один украинский политик. Если, конечно, он планирует оставаться политиком.

Война в Донбассе выросла в украинскую внутриполитическую жизнь и меняет ее в невыгодную для России сторону. Тот же Владимир Зеленский за два года в президентском кресле изменился до неузнаваемости. Открытый, наивный, миролюбивый политик, декларировавший готовность договариваться, за два года трансформировался в антагониста Москвы. Теперь он уничтожает пророссийские политические силы, говорит, что возвращать надо не только Донбасс, но и Крым, и ставит свою подпись под стратегией деокупации полуострова. Такого себе не позволял даже нелюбимый Россией Петр Порошенко: при нем лидера «Оппозицион-

ной платформы — за жизнь» Виктора Медведчука, имеющего связи с Владимиром Путиным, никто не трогал, а вопрос о том, чей Крым, можно считать, что не поднимали.

Понятно, что никакая стратегия не вернет Украине полуостров, но невозможно не подчиниться законам внутриполитического жанра, которые диктуют простую формулу выживания: Россия — агрессор и враг. Запад и НАТО — союзники и друзья. Это более сложная и долгая история. Пример ее прожегучего финала — Грузия. Грузинско-российскую войну 2008 года много вспоминали во время нынешнего обострения в Донбассе. Россия в ней сначала победила, а потом закрыла, как считают в Москве, тему урегулирования конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, признав независимость этих территорий.

Однако игра не закончилась. Даже устраивающего Россию олигарха Бидзину Иванишвили, который реально управляет Грузией и выдал из страны Михаила Саакашвили, нельзя назвать пророссийским политиком. При нем Тбилиси не стал ближе к России и продолжал углублять отношения с ЕС и НАТО. Момент, когда Иванишвили окончательно лишится влияния и власти, точно наступит. И период относительного спокойствия в этой части ближнего для России зарубежья останется в прошлом. Украина, где СМИ давно взяли за правило писать во фронтовых сводках, что очередной украинский военный погиб от рук именно «российских оккупантов», движется по этому же пути.